

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

ПОВЕСТЬ О НЕКОТОРОМ ГОСТЕ БОГАТОМ И О СЛАВНОМ О КАРПЕ СУТУЛОВѢ И О ПРЕМУДРОЙ ЖЕНЕ ЕВО, КАКО НЕ ОСКВЕРНИ ЛОЖА МУЖА СВОЕГО

Бѣ некто гость велми богат и славенъ зело, именемъ Карпъ Сутуловъ, имейя жену у себя, именемъ Татиану,* прекрасну зело. И живяше онъ с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуше во граде некоемъ, и в том же граде другъ бысть велми богат и славенъ, и веренъ зело во всем, именемъ Афанаси Бердов.* Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челомъ другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме Афанасе! Се ныне приспе мнѣ время ехати на куплю свою в Литовскую землю, азъ оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейши друже, жену мою, о чем тебѣ станет бити челомъ, во всем снабди. Азъ приеду от купли своей, буду тебѣ бити челом и платитися». Другъ же его Афанасий Бердовъ глаголя ему: «Друже мой Карпе, аз радъ снабдевати жену твою». Карпъ же шедъ к жене своей и сказа ей: «Аз былъ у друга своего Афанасия и би челомъ ему о тебѣ, аще какая без меня тебе будетъ нужда в денгахъ, да снабдить тебя во всемъ другъ мой Афанасий; рекохъ мнѣ онъ: „Аз радъ снабдевати без тебя жену твою”».

Карпъ же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя Татиана, буди Богъ между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, азъ тебѣ оставляю денегъ на потребу *на* что купити брашна на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денегъ, и онъ тебе дастъ сто рублев, и ты, чай, темъ до меня и проживешь. А моего совѣту блюди, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рекъ, отиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры, и веселеса с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому 3 года, какъ поеде мужъ мой, она же

шетъ ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: «Господине другу моему, друже мужа, мужа моего! Дажь ми сто рублев денегъ до мужа. А муж мой Карпъ, когда поехал на куплю свою и наказал, — наказал: „Егда до меня не станеть денегъ на потребу на что купити, и ты поиди моимъ словомъ ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себѣ брашна денегъ сто рублевъ”. И ты же нынѣ пожалуй мнѣ на потребу на брашна денегъ сто рублевъ до мужа моего. Егда мужъ мой приедет от купли своей, и тогда все тебѣ отдасть». Онъ же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая к ней плотию своею, и глаголаша к ней плотию своею: «Азь дамъ тебѣ на брашна денегъ сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь». Она же о том словеси велми засумневашася, и не ведаеть, что отвещати, и рече ему: «Азь не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго»; и рече ему: «Иду и вопрошу отца своего духовнаго, что ми повелитъ, то и сотворю с тобою».

И шед вскоре, и призвавъ к себѣ отца своего духовнаго, и рече ему: «Отче мой духовны, что повелиши о семъ сотворити, понеже мужъ мой отиде на куплю свою и наказавъ мне: „Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денегъ, чемъ до меня, и ты жъ иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ тебе по моему совету дасть тебе денегъ сто рублевъ”. Нынѣ же мнѣ у меня не доставшу сребра на брашна, и азь идохъ ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: „Азь ти дамъ сто рублевъ, толко буди со мною на ночь спать”. И азь не вемъ, что сотворити, не смею тебѣ, отца своего духовнаго, того с нимъ сотворити без повеления твоего, и ты ми сотворити повелиши?» И рече ей отецъ духовный: «Азь тебе дамъ и двести рублевъ, но пребуди со мною на ночь». Она же о томъ словеси велми изумилася и не ведаеть, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шедъ от него на архиепископовъ двор тайно, и возвести архиепископу: «О, велики святы, что ми повелеваеши о семъ сотворити, понеже мужъ мой купецъ славен зело, Карпъ Сутуловъ, отиде на куплю свою в Литовскую землю, се уже ему третье лето, и после себя оставилъ мне на потребу денегъ. Отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него. И как мужъ мой поехал на куплю свою и наказалъ мне: „Аще ли не достанетъ тебѣ денегъ, чемъ до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ по моему приказу дасть тебе на потребу на брашна денегъ сто рублевъ, на потребу брашна”. И азь шедъ нынѣ ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себѣ денегъ до мужа своего сто рублевъ. Онъ же рече ми: „Азь дамъ тии сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь”. И азь не смела того сотворити без повеления отца своего духовнаго, и шед ко отцу своему духовному, и вопросы о семъ отца своего духовнаго, что ми повелит. Он же рече ми: „Аще ты со мною сотворишь, азь дамъ ти и двести рублевъ”. И азь с нимъ не

смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоихъ ихъ, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и азъ дамъ тебе и триста рублевъ». Она же не ведаеть, что ему отвещати, и не хотяше таковыхъ словъ преслушати, и рече ему: «О, велики святы, како я могу убежати от огня будущаго?»* Онъ же рече ей: «Азъ тя во всемъ разрешу».*

Она же рече, повелеваетъ ему быти в третьем часу дни. И тако шедъ ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мнѣ въ 6 часу дни». Потом же иде к другу своего мужа, ко Афанасию Бердову: «Друже мужа моего, приди ко мнѣ в 10-м часу дни».*

Прииде же ныне архиепископъ, она же встретила его с великою честью. Онъ же велми разжигая плоть свою на нея, и принесе ей денегъ триста рублевъ, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: «Что требуеши облещи на ся одежду ветхую самую пребыти со мною; в нейже пребываеши при многоцветущемъ народе и Бога славиши, в том же и самому паки к Богу быти». Он же рече: «Не виде никто мя и в етомъ платей, что мне и оно облещи, но некоему насъ с тобою видети». Она же рече ему: «Богъ, отче, вся видит деяния наша, аще от человекъ утаимъ странствие наше, но онъ вся вестъ, обличения не требуетъ. И самъ-то Господь не придетъ с палицею на тя и на вся злоторящаго, такового человекъ зло пошлетъ на тя, и тотъ тя имат бити, и безчестовати, и предати на обличение протчимъ злоторящимъ». И сия глаголаше ко архиепископу. Он же рече ей: «Толко, госпоже моя, не имею никакой иныя одежды, какие в мире носятъ, разве азъ тебѣ требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу¹, якоже сама носаше на теле, а тотъ санъ сняше с него и вложиша ѿ себе в сундукъ, и рече ему: «Азъ кромѣ сея одежды не имею в дому своемъ, понеже отдала портомоице, что носяше мужъ мой». Архиепископъ же с радостию взяше и въздѣ на себѣ з боромъ² женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую пребыти с тобою». Она же отвещаше к сему: «Се азъ сотворю, но еще прежде покладимся³ со мною».

И в то время прииде ко вратомъ попъ, отецъ ея духовны, по приказу ея и принесе ей с собой денегъ двести рублевъ, и началъ толкатися во врата. Она же скоро възрѣ в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: «Благъ Господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость». Архиепископъ же рече: «Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Се мужъ мой от купли приехалъ, азъ же в симъ времени ожидала его». Архиепископъ же рече ей: «Госпоже моя, гдѣ мнѣ деватися срама ради и безчестия?» Она жъ рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундукъ и сиди, и азъ во время спущу тя». Он же скоро шедъ в сундукъ, она же замкнула его в сундуке. Поп же идя на крылцо, она же встретила его, он же даде ей двести рублевъ и нача с нею глаголати о

¹ сорочку; ² со сборками; ³ уговоримся.

прелюбезных словесехъ. Она же рече: «Отче мой духовный, какъ еси ты прелстился на мя? Единаго часа ради обоимъ с тобою во веки мучитися». Попъ же рече к ней: «Чадо мое духовное, что аз ти скажу, аще ли в коемъ греси Бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чемъ хочещи Бога умолити и милостива сотворити?» Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны судия? Имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?»

И глаголющим имъ много, ажно ко вратом гость богатъ, другъ мужа ея, Афанасий Бердов и нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окушку и погляде за оконце, узрѣ гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, всплеска рукама своима и поиде по горнице. Попъ же рече к нея: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехалъ и что ты радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Видиш ли, отче, радость мою, се же мужъ мой от купли приехал ко мнѣ и светъ очию моею». Попъ же рече ей: «Побѣда¹ моя! Где мнѣ, госпоже моя, укрытися срама ради?» Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, грѣха смертнаго; единою умрети, а грехъ сотворяй мучитися имаши во веки». И во оной храмине указа ему сундукъ. Он же в одной срачицѣ и без пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундукъ, азъ во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шедъ в сундукъ. Она же замкнула его в сундуке и шедъ скоро пусти к себѣ гостя. Гость же пришедъ к ней в горницу и даде ей сто рублей денегъ. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? А не ли же некоему челоуѣку мнози люди похвалиша жену, она же зело *зла бѣше*, он же целомудренны тогда похвалу».* Онъ же рече ей: «Госпоже моя, егда азъ насыщуся и наслаждуся твоя красоты, тогда прочь отиду в домъ свой». Она же не ведаше, чимъ гостя того от себя отвести, и повелѣ рабѣ вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своя шед *вон* и начаше у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О, всевидимая радость, о, совершенныя моя любви, о, свете очию моею и возделесте души моя радость!» Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошкомъ?» Она же рече к нему: «Се мужъ приехалъ от купли своя». Гость же послыша от нея таковыя глаголы и нача по горнице бѣгати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мнѣ, где от срамоты сея укрытися?» Она же указа ему 3 сундукъ и рече ему: «Вниде семо, да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундукъ. Она же замкнула его в сундукъ томъ.

И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ,* чтоб вышелъ к ней. И рече к ней: «Откуда еси жена пришла и почто ми велела вытти к себѣ?» Она же рече к нему: «Се язъ, государь, града сего гостиная жена, знаеш ли ты, государь, мужа моего, богатаго купца, именемъ Сутуловъ?» Он же

¹ беда.

рече к ней: «Добрѣ знаю азъ мужа твоего, понеже мужъ твой купецъ славень». Она же рече к нему: «Се уже третье лето, какъ мужъ мой отиде на куплю свою и наказал мне взяти у него купца, купца же града сего, у Афанасия, именемъ Бердовъ, сто рублевъ денегъ — мужу моему другъ есть, — егда не достанетъ. Азъ же деяше после мужа своего многия пиры на добрыхъ женъ, и ныне мнѣ недоставъши сребра. Азъ же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца оного дома не получила, у которого велел мне мужъ мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублевъ, азъ тебѣ дамъ три сундука в закладъ з драгими ризами и многоценными». И воевода рече ей: «Азъ слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго, аз ти дам и без закладу сто рублевъ, а как Богъ принесетъ от купли мужа твоего, азъ и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, Бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сандукахъ техъ, дабы тати¹ не украли у меня сандуковъ техъ. Тогда, государь, мнѣ от мужа моего быть в наказании, в те поры станет ми говорить, ты бы де положила на соблюдение челоуѣку доброму до меня». Воевода же слышавъ, велел привести вси три сундука, чаяше истинно драгия ризы.

Она же шед от воеводы, взяша воевоцкихъ людей пять челоуѣкъ, с коими и приехаша к себѣ в дом и поставиша, и к себе в дом приехаша опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки двор, и повеле воеводѣ, повелеша она воеводѣ ризы досмотрити. Воевода же повелѣ ей сундуки отпирати, и открывша все 3. И видяше во единомъ сундуке гостя сидяща во единой срачице, а в другомъ сундуке попа во единой же срачице и без пояса, а в третьемъ сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же видя ихъ таковыхъ безчинныхъ во единыхъ срачицахъ сидяща в сундукахъ и посмеялся, и рече к нимъ: «Кто васъ посади тутъ в однихъ срачицахъ?» И повелеша им выти из сундуковъ, и быша от срамоты, яко мертвы, посрамлени от мудрыя жены. И падше они воеводе на нозе, и плакася велми о своемъ согрѣшении. Воевода же рече имъ: «Чесо ради плачетесь и кланяетесь мнѣ? Кланяйтесь жене сей, она бы вас простила о вашемъ неразумии». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, жено, коихъ в сундукахъ заперала?»

Она же рече к воеводѣ: «Какъ поехалъ мужъ мой на куплю свою и приказал мне у гостя того просить денегъ сто рублевъ, и какъ Афанасию ходила просити денегъ сто рублевъ, и како гость той хотя со мною пребыти». Также поведѣа *про* попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часехъ приходити, и како ихъ обманывала и в сандукахъ заперала. Воевода же, сие слышавъ, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит техъ денегъ». И взя воевода з гостя пятьсот рублевъ, с попа тысящу рублевъ, со архиепископа тысящу пятьсот рублевъ и повелеша воевода ихъ отпус-

¹ воры.

тить, а денги с тою женою взяша и поделиша пополам. И похвали ея целомудренны разумъ, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла иму, ложа своего не осквернила.

Не по мнземеъ времени приехал мужъ ея от купли своей. *Она* же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми мужъ ея о том возрадовася.